Т.М. Балыхина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И ЕГО АНАЛИЗ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Москва
Российский университет дружбы народов
2012

УДК 811.161.1+82-1
ББК 81.2Р+84Р7-5
Б 20

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Рецензент –
заведующая кафедрой русского языка для студентов-гуманитариев,
филологов факультета русского языка и общеобразовательных
дисциплин Российского университета дружбы народов
доктор педагогических наук, профессор *Н.М. Румянцева*

Балыхина, Т. М.
Художественный текст и его анализ на уроках русского языка [Текст] / Т. М. Балыхина. – М. : РУДН, 2012. – 153 с.

ISBN 978-5-209-04935-7

В книгу вошли стихотворные произведения выдающихся русских поэтов от В. Жуковского и А. Пушкина до Н. Заболоцкого и А. Твардовского.

Цель учебной книги – пробудить интерес современников к художественному тексту и научиться его интерпретировать в контексте особенностей эпохи с точки зрения смысла названия, идеи, проблемы, особенностей жанра, композиции, сюжета, языка, образов автора и лирического героя.

Анализ стихотворных текстов на уроках русского языка связан с решением важных методических и ключевых образовательно-просветительских задач. В комментариях к стихотворениям представлена литературоведческая, культурологическая, фактологическая, лингвистическая информация, полезная для изучающих русский язык и российскую культуру.

© Балыхина Т.М., 2012
© Российский университет дружбы народов, Издательство, 2012

Содержание

Жуковский В.А. Море ..…….. 5
Пушкин А.С. Погасло дневное светило …….. 9
Пушкин А.С. Поэт ……..…….. 12
Пушкин А.С. Элегия ……...……...…... 15
Пушкин А.С. Вновь я посетил… ……...…… 18
Пушкин А.С. Мадонна ……...…. 22
Лермонтов М.Ю. Когда волнуется желтеющая нива……..….. 25
Лермонтов М.Ю. И скучно и грустно ……..... 29
Лермонтов М.Ю. Листок ……...… 33
Лермонтов М.Ю. Нет, не тебя так пылко я люблю… …….. 37
Некрасов Н.А. В дороге ……..... 40
Некрасов Н.А. Тройка ……. 46
Некрасов Н.А. Я не люблю иронии твоей… …….. 51
Тютчев Ф.И. Фонтан ……...……..... 55
Тютчев Ф.И. Не то, что мните вы, природа… ……..... 59
Тютчев Ф.И. Как хорошо ты, о море ночное!.. ……..…...…. 63
Фет А.А. Заря прощается с землею… ……..… 67
Фет А.А. Это утро, радость эта… ……..…….. 70
Фет А.А. Ель рукавом мне тропинку завесила… ……..…. 74
Бунин И.А. Вечер ……..…. 77
Бунин И.А. Последний шмель …….....……. 80
Блок А.А. Вхожу я в темные храмы… …….…..... 83
Блок А.А. Русь ……..... 87
Блок А.А. О, я хочу безумно жить… …….…….. 92
Есенин С.А. О красном вечере задумалась дорога… ……..… 96
Есенин С.А. Запели тесаные дроги ……...…. 100
Есенин С.А. Низкий дом с голубыми ставнями… ……..... 104
Есенин С.А. Несказанное, синее, нежное… ……..... 108
Маяковский В.В. Послушайте! ……..... 112
Маяковский В.В. Хорошее отношение к лошадям ……..... 116
Ахматова А.А. Заплаканная осень, как вдова… ……...….. 121
Твардовский А.Т. Вся суть в одном-единственном завете……. 124
Заболоцкий Н.А. Гроза идет ……..... 127
Учебный словарь терминов культуры русской речи……...….. 131
Литература по проблемам анализа художественного текста 152

Да, в людях мало любви. Они исключили ее из своего культурного акта: из науки, из веры, из искусства, из этики, из политики и воспитания. И вследствие этого современное человечество вступило в духовный кризис, невиданный по своей глубине и размаху… Нельзя нам без любви. В ней наша надежда и спасение.

И.А. Ильин

В.А. Жуковский

Море

Элегия
(1822)

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.
Безмолвное море, лазурное море,
Открой мне глубокую тайну твою:
Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое, светлое небо к себе?..
Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же сбираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя –
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь,
Ты рвешь и терзаешь враждебную мглу…
И мгла исчезает, и тучи уходят,
Но, полное прошлой тревоги своей,
Ты долго вздымаешь испуганны волны,
И сладостный блеск возвращенных небес
Не вовсе тебе тишину возвращает;
Обманчив твоей неподвижности вид:
Ты в бездне покойной скрываешь смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за него.

В.А. Жуковский известен и как один из ведущих литераторов России, и как учитель, друг Пушкина, подаривший юному лирику портрет со следующей надписью: «Победителю ученику от побежденного учителя» (в связи с появлением пушкинской поэмы «Руслан и Людмила»). Он, будучи чтецом при императрице Марии Федоровне, наставником наследника престола – будущего императора Александра II, пользовался влиянием при дворе и принимал деятельное участие в смягчении участи декабристов. Благодаря его усилиям был освобожден от крепостной зависимости украинский поэт Т. Г. Шевченко.

Художественный метод Жуковского, нашедший воплощение в его творчестве и в стихотворении «Море», сам поэт определил следующим образом: «Мир существует только для души человеческой». Очевидно, поэтому в оценке других писателей и критиков Жуковский воспринимался как правдивый лирик: «У Жуковского всё душа и всё для души» (П.А. Вяземский). Именно в поэзии Жуковский проявил себя как первый русский поэт-романтик, прочно утверждающий в литературе жанры элегии и баллады. Новой для русской литературы была и романтическая образность, на которой заострял внимание их автор: звуки, покровы, свет луны, звезд.

Написанное в 1822 году стихотворение «Море» признается одним из важнейших романтических манифестов поэта. Оно создано за два года до пушкинской элегии «К морю». Известно, что Пушкин любил это произведение, но не только за его пейзажные зарисовки.

Вначале автор обращается к стихии, олицетворяет ее:

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован пред бездной твоей.
Ты живо; ты дышишь смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты.

За пейзажным полотном, как мы видим, скрывается иносказание. Впрочем, странен и пейзаж, в нем нет конкретности: безмолвное море и светлое небо – в дальнейшем изложении – соседствует с темными тучами, беспокойными волнами, в чреде которых возникает то утренний, то вечерний свет:

Таинственной, сладостной полное жизни,
Ты чисто в присутствии чистом его:
Ты льешься его светозарной лазурью,
Вечерним и утренним светом горишь,
Ласкаешь его облака золотые
И радостно блещешь звездами его.
Когда же сбираются темные тучи,
Чтоб ясное небо отнять у тебя –
Ты бьешься, ты воешь, ты волны подъемлешь…

Поэт отзывается, в свою очередь, на изменения в «поведении» природной стихии. Его ощущения становятся как бы зеркальным отражением природы. Она и лирическое «я» существуют в процессе этих изменений как одно целое.

Аналогично тому, как море отражает в своих волнах небесную лазурь и блещет светом звезд небесных, подобно тому, как оно тянется к небу из «земной неволи»:

Что движет твое необъятное лоно?
Чем дышит твоя напряженная грудь?
Иль тянет тебя из земныя неволи
Далекое, светлое небо к себе?.. –

так и человек не может существовать без того, что выше его и что дает ему право на жизнь. Жизнь моря предстает у В. А. Жуковского как некая устремленность к всеобщему единству и целостности. Море «чисто» чистотою неба, лазурно его «светозарной лазурью». Когда небо ласкают золотые облака, оно радостно блещет звездами неба. Когда же налетает буря, то оно «бьется» и «воет», потому что «темные тучи» хотят отнять у него «ясное небо».

Следует подчеркнуть, что если для Пушкина море – символ свободы, то у Жуковского оно олицетворяет неволю, плен, печаль, тоску; оно неразрывно связано с небом, по-своему зависит от него (романтическое двоемирие: земная неволя и небо). У Жуковского море – безмолвная бездна, у Пушкина – стихия, взывающая к проявлению в действии душевных волнений. У Жуковского красота «встревожена», у Пушкина пребывает в торжественном покое.

Интересно решена проблема выразительных средств и рифмовки в произведении. Оно изобилует романтическими эпитетами* *(«сладостный блеск возвращенных небес»*), метафорами* *(«напряженная грудь» моря)*, анафорами* на «ты». Художественную ткань стиха поэт обогатил вопросами, рефренами* *(«безмолвное море, лазурное море…»)*, фигурами синтаксического параллелизма* *(«Что движет твое необъятное лоно?..),* интонационно-синтаксическими конструкциями, которые создали особый поэтический синтаксис Жуковского. Белый стих*, используемый автором в произведении, помогает передать, на наш взгляд, непрерывность набегающих волн.

Критика отмечала стилизацию жизненных явлений в поэзии Жуковского, стремление ее романтического героя к возвышенному и величественному идеалу. Слово в поэтической системе В. А. Жуковского стремилось к передаче не понятий, а эмоций, преобладала не изобразительная, а выразительная функция. Поэтом было расширено значение многих слов через олицетворение эмоциональных состояний, через метафорическое отождествление жизни человека с жизнью природы.

Погасло дневное светило

(1820)

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный…
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И все, чем я страдал, и все, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман…
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к берегам печальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к берегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений.
Минутной младости минутные друзья;

И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило…
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан…

Стихотворение «Погасло дневное светило…» впервые было напечатано в 1820 году без подписи, с пометкой «Черное море. 1820, сентябрь». Посылая элегию брату, Пушкин сообщал, что написал ее «ночью на корабле» при переезде из Феодосии в Гурзуф. В 1825 году, подготавливая стихотворение для своего сборника, Пушкин предполагал дать ему эпиграф: «Good night my native land. Byron» («Прощай, родная земля. Байрон»).

Обычно морские пейзажи, чувства и воспоминания, навеянные наблюдениями за вечной стихией, изображались и передавались в жанре романтической элегии. Поэтом также создается романтическая картина вечернего синего моря, когда «погасло дневное светило», «пал туман». Тишина, покой, безмолвие вокруг… Гармоничный мир природы оказывает благотворное влияние на человека, успокаивает его.

Описание моря дано отдельными мазками.

Первые четыре строки стихотворения начинают рассказ о красоте морского пейзажа. Но он прерывается размышлениями о прежней любви, о желании увидеть дальние страны, где, как надеется лирический герой стихотворения, он обретет свободу. Стихи музыкальны, овеяны грустью. Герой произведения – человек молодой, но много переживший, странник, скиталец. Вместе с тем за романтической грустью мы ощущаем полноту молодого восприятия жизни. Море, приближение южной ночи, корабельные паруса, чудесный береговой пейзаж («земли полуденной волшебные края»), молодость, ожидание счастья («душа кипит и замирает, мечта знакомая вокруг меня летает…») – в стихотворении описано все, что делает жизнь человека

наполненной, цельной. Соединяются воедино несколько сюжетов: описание океана, взволнованного ветром («Шуми, послушное ветрило, волнуйся подо мной, угрюмый океан»), воспоминания о туманной родине (страна, «где пламенем страстей впервые чувства разгорались, где музы нежные… тайно улыбались»), ожидание новых впечатлений («Неси меня к пределам дальним»).

Лексика стихотворения отражает грустное настроение: печальные берега туманной родины, пламя страстей, потерянная молодость, хладное сердце, раны любви. Поэтичен и музыкален проходящий через всю элегию рефрен, в котором явственно звучат аллитерации* и ассонансы*: «шуми», «ветрило», «волнуйся», «угрюмый», «океан». Пушкин использует эпитеты высокого стиля и метафоры, точно передающие возвышенные чувства лирического героя: *«послушное ветрило», «полуденная земля», «упоенный воспоминаниями», «душа кипит», «волшебные края», «прихоть обманчивых людей», «питомцы наслаждений».* Широко используются олицетворения*, повторы и анафоры.

В стихотворении использован четырехстопный и шестистопный ямб*. Такое чередование создает определенный звуковой и поэтический эффект: волны то стремительно набегают, то, отталкиваясь от кормы корабля, мягко отступают. Также чередуются рифмы, мужская – женская*. Мужская рифма с ударением на последнем слоге в строке придает динамизм фразе. Женская рифма (в ней ударный слог – предпоследний) более плавная, более мягкая.

Анализ поэтического произведения свидетельствует о ключевой черте, характерной для русских поэтов и для российской поэзии. Об этой черте замечательно сказал В.Г. Белинский: «Для истинного художника, – где жизнь, там и поэзия»

А.С. Пушкин

Поэт
(1827)

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубравы…

Известно, что великий поэт России был создателем лирической концепции творчества. В ней он выразил представление о месте поэта в мире, о его взаимоотношениях с обществом, о творческом процессе. Опорные произведения этой тематики, составившие наряду с другими пушкинский «памятник нерукотворный», – «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830), «Эхо» (1831), ряд других.

Считается, что стихотворение «Поэт» являет собой квинтэссенцию авторских размышлений о сущности и назначении художника слова. Так и в анализируемом произведении поэт – это сложная личность, отмеченная Богом и наделенная частью ее творящей силы. Но в то же время он воплощает в себе обычные, земные черты. Поэтому автор вполне допускает, что поэт может быть «всех ничтожней» среди «детей ничтожных мира»:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен…

Перемены начинаются лишь тогда в нем, когда Бог посылает ему вдохновенье. Поэт преображается. Это уже не один из многих людей, занятых повседневной суетой, а человек необыкновенный. Его слух становится чутким, он способен услышать, воспринять, понять «божественный глагол». В такие моменты прежняя жизнь становится, в его оценке, «забавой мира», людская молва угнетает – он готовится произнести о мире новые слова. И в этих словах уже отсутствует обыденность, проза, «веселость». Так просыпается душа поэта:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Художник-лирик становится гордым, диким и суровым, погруженным в себя и в свои творческие думы. Мирская же суета отвлекает его от творчества. Известно, что вдохновение требует одиночества, свободы от повседневности. Эта мысль уже неоднократно подчеркивалась в пушкинской поэзии. К примеру, в стихотворении «19 октября», написанном в 1825 году, она облечена в следующую, теперь уже крылатую фразу:

Служенье муз не терпит суеты,
Прекрасное должно быть величаво…

Желание, порыв отдать себя без остатка творчеству вынуждает поэта бежать от мирской суеты «на берега пустынных волн в широкошумные дубравы». Конечно, то, куда стремится

поэт, есть не что иное, как поэтическая условность, символы уединения. «Беглецу» нужен уголок, свободный от суеты, где может быть «звучнее голос лиры. Живее творческие силы».

В стихотворении используется любимый Пушкиным прием преображения поэта (сравните с «Пророком», «Осенью» и другими). Многоточие, которым завершается стихотворение, позволяет предположить, что впереди у творящего поэзию – волнующий и мучительный процесс создания произведения. А затем? Затем возвращение к людям, к обычной суете. Получается, что жизнь поэта представляет собой череду событий: уход от людей – возвращение к людям. Эти два состояния, полные надежд, мучительные, вновь и вновь повторяются в жизни гениального автора. Поэт (и это подчеркнуто в стихотворении «Поэт и толпа») – двуприродное существо: он связан с землей и одновременно он – «сын небес». Вместе с тем в анализируемом стихотворении нет ни сожалений о тяготах жизни поэта, ни ее романтической идеализации.

Язык стиха, с одной стороны, прост, с другой – аллегоричен и метафоричен: «*священная жертва», «святая лира*» и т. д. Эти средства помогают передать, на наш взгляд, мысль о том, что художник слова и его творчество – вне времени. Оно посвящено общечеловеческим, насущным проблемам и перспективе.

А.С. Пушкин

Элегия

(1830)

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,

Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Критики утверждают, что творчество поэта антропоцентрично, т.е. именно человек находится в центре художественной и философской системы пушкинских произведений. Выделяется целый ряд стихов, в которых едва ли не основными стали темы жизни и смерти, мига и вечности, времени, памяти и человека. Н. А. Бердяев так определил этот гуманистический пафос поэзии А. С. Пушкина: «Если в русской поэзии было когда-нибудь Возрождение, то оно выразилось в одном поэте – Пушкине».

Стихотворение «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье…») появляется в конце 20-х годов XIX века. Его отличает «пронизанность» идеей гармонии и покоя, но покоя не как чего-то статического, неподвижного, а покоя – равновесия:

И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь…

К мысли о душевном покое и гармонии через обращение к поэтическому творчеству автор подходит, вспоминая «безумных лет угасшее веселье, … Как смутное похмелье». События, предшествующие написанию стихотворения, не могли не сказаться на его тональности и смысле. Вторая половина 20-х годов определена двумя важными событиями в жизни А. С. Пушкина. Первое – встреча с императором Николаем I, когда – в ответ на откровенное признание поэта о том, что он только в силу обстоятельств не смог быть с декабристами на Сенатской площади, – царь простил Пушкина и даже пообещал быть цензором его произведений. Второе событие – приезд в родовое имение Болдино для устройства имущественных дел накануне женитьбы на Н. Н. Гончаровой. А между этими событиями пролегли годы, заполненные переездами и странствиями по России, встречами с разными людьми, светской суетой, любовными увлечениями, литературными спорами и творческим трудом. И вот наступил хотя и короткий, но самый плодотворный период пушкинского творчества, когда количество написанного за три месяца поэтического затворничества было сопоставлено с результатами творческого труда за предыдущее десятилетие: «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», «Евгений Онегин», «Маленькие трагедии», «Сказки». Пиком пушкинского «пира воображения» стали 30 стихотворений, среди них такой шедевр, как «Элегия».

В этом мудром произведении не только «подхватываются» идеи и образы предшествующих этапов, но и обнаруживаются новые темы или новые их аспекты. Так, именно с творчеством поэт связывает грядущие «наслажденья», которые помогут ему преодолеть усталость жизни, настроение тоски, отчаяния:

Над вымыслом слезами обольюсь…

Пушкин не может стареть ни душевно, ни физически, ни творчески. Он надеется, что поэтические мгновенья будут

посещать его не один раз. Именно они вновь и вновь возвратят поэта в мир молодых чувств и надежд:

Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней...

Альтернативой смерти звучат строки, наполненные побудительными настроениями и интонацией:

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать…

«Мыслить и страдать» – эти слова подчеркивают постоянную потребность А. С. Пушкина, выраженную через восклицания лирического героя произведения, в работе ума, в выражении особенностей и обыденностей человеческого мира в слове.

Там же, где есть труд, творчество, вымысел, есть и жизнь, и слезы (страдания), и любовь. Автор вместе со своим лирическим героем выражает надежду на то, что вкус к жизни подарит и любовь с ее «улыбкою прощальной», т.е. жизнь состоит не только из огорчений, но из радости, светлых слез, вдохновения.

Вместе с тем радости спокойной семейной жизни и вдохновенного поэтического труда были нечастыми. Как нередко случалось у Пушкина, сбывалось его пророчество, высказанное, в том числе, в болдинской «Элегии»:

Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Язык стихотворения соответствует избранной автором форме. Элегия*, будучи философски грустным размышлением на тему, выбирает нередко не эмоционально-яркую, но эмоционально-выразительную и точную совокупность художественных средств: эпитетов *(«безумных лет»),* метафор (*«угасшее веселье»*), сравнений* (*«как вино – печаль минувших дней*), олицетворений (*«улыбка любви»*), обращений* (*«о други»*), архаичных форм* (*«старе»*). Неспешный тон повествования, взвешенность слов, связанная с пониманием того, что всего не предугадаешь, побудили автора к введению в ткань текста вводных слов, выражающих философское сомнение, снимающих категоричность: *«может быть», «ведаю».*

А.С. Пушкин

Вновь я посетил…

(1835)

…Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор – и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я – но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я бедной нянею моей.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.
Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим – и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны…
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно, синея, стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собою
Убогий невод. По берегам отлогим
Рассеяны деревни – там за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре…
На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят – одна поодаль, две другие

Друг к дружке близко, – здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я и пред собою
Увидел их опять. Они все те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох –
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их, как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вкруг него
По-прежнему все пусто.
Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

Произведение было написано в 1835 году в связи с приездом поэта в родовое имение Михайловское. Это была последняя осень, которую провел художник на родине. Несомненно, посещение близких и дорогих мест пробудило множество воспоминаний в душе А.С. Пушкина: михайловская ссылка, во время которой он узнает о восстании декабристов («Вновь я посетил тот уголок земли, где я провел изгнанником два

года незаметных…»), задушевные беседы с няней (Арина Родионова умерла в 1828 году, потому автор со скорбью пишет: «Вот опальный домик, где жил я с бедной нянею моей. Уже старушки нет – уж за стеной не слышу я шагов ее тяжелых, ни кропотливого ее дозора…»), верховая езда по нескольку часов в пределах «дедовских владений».

Известно, что поэт любил село Михайловское всей душой. Именно о нем он писал в одном из первых своих стихотворений – в оде «Деревня»:

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастье и забвенья.

В отличие от произведений ранних периодов, в пушкинских стихотворениях, относящихся к позднему периоду творчества, практически не встречается пышных эпитетов, средства изображения природы становятся более реалистичными. Важнейшее место начинает занимать пейзаж средней полосы России. Автор объясняет это следующими строками:

…много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я…

В стихотворении «Вновь я посетил…» отчетливо звучат мотив зрелости, темы времени и памяти. Не случайно стихотворение начинается смысловым многоточием*. Такая авторская пунктуация указывает на своеобразное продолжение размышлений, которые он «запечатлел» в 1819 году в оде «Деревня».

Анализируемое произведение условно делится на три части. Первую из них, начинающуюся словами «Вновь я посетил…», можно назвать лирическим воспоминанием. Вторая часть – пейзажная. В сюжете стиха отчетливо проявляется связь, сравнение с сентиментальным* пейзажем «Деревни», созданной двадцатилетним А. Пушкиным. Только вместо «светлых ручьев», «лугов, уставленных душистыми скирдами», «подвижных картин» и «лазурных равнин» появляются иные образы: деревни,

рассеянные по «отлогим берегам», искривленная мельница, которая «насилу крылья ворочает при ветре». «Рыбарь» (высокая, поэтическая лексика) из «Деревни» превратился в «рыбака», а вместо его белеющего паруса используется другая деталь – «убогий невод».

Что касается роли третьей части стихотворения, то эту часть можно охарактеризовать как философскую. Начинается она с известнейших ныне слов:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое…

Поэт обращается таким образом не к изменившемуся пейзажу, который «повзрослел», как и человек. Обращение направлено к будущим поколениям, детям, внукам. Именно им автор пытается передать любовь к жизни, желание оказаться небезразличными к ее ритму, расти чуткими и уважающими предшественников. Мысль о том, что

…мой внук, <…>
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас <…>
И обо мне вспомянет.

А.С. Пушкин использует точные, конкретные средства поэтической выразительности. Вместе с тем стихотворение не лишено ярких метафор, четко передающих авторский замысел и восприятие: *«зеленая семья»* (о молодой роще), *«угрюмый товарищ, как старый холостяк»* (об одиноком дереве), *«иные волны», «неведомые воды»* и другие.

Интересно авторское решение в отношении размера стихотворения. Оно написано пятистопным ямбом, редко встречающимся у Пушкина: таким размером написаны «Маленькие трагедии», «Борис Годунов». Выбранный поэтом «драматический шаг» стиха придает произведению спокойный, плавный, повествовательный характер. В некоторых местах белый стих* (стих без рифмы) позволяет заострить внимание на той или иной части стихотворения, сделать своеобразную паузу в восприятии содержания.

А.С. Пушкин

Мадонна

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель –

Она с величием, он с разумом в очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Известно, что пушкинское стихотворение «Мадонна» посвящено Наталье Николаевне Гончаровой, жене поэта. А. С. Пушкин увидел Наталью Гончарову, когда ей, первой красавице Москвы, было только шестнадцать лет. Встреча произошла в декабре 1829 года на балу у московского танцмейстера Йогеля; в мае 1829 года поэт сделал девушке предложение, однако ее мать дала неопределенный ответ. В апреле 1830 года А. С. Пушкин повторно попросил руки Натальи Николаевны, на этот раз в предложении отказано не было. Впоследствии именно ей, своей «женушке», он напишет: «А душу твою люблю я еще более твоего лица».

Удивительно органично и целостно как по замыслу, так и по исполнению все произведение, от названия до финала. Мадонна

– это название Богородицы у католиков и ее (Богородицы) живописное или скульптурное изображение. Этот образ и высокий слог поэтической речи Пушкина, в который вплетены не просто возвышенные слова, но и мифологические, религиозные *(«обитель», «пречистая», «Божественный спаситель», «величие», «очи», «ангел», «ниспослать»),* являются своего рода свидетельством того, что автор причисляет эту дорогую ему женщину к лику святых, описывает ее красоту как неземную, божественную.

Известно, что до встречи с Гончаровой поэт по-особому строил собственную поэзию любви. В отличие от дружбы, в которой Пушкин ценил постоянство, верность, любовь нередко рассматривалась им как чувство преходящее. Действительно, оно, подобно буре, властно «захватывало» поэта, давало мощный источник вдохновения, подчиняло «страстям мятежным», а потом, как и всякая буря, утихало, угасало, превращалось в «цветок засохший». Вместе с тем не следует рассматривать пушкинскую лирику как поэтический анализ встреч, произошедших в жизни. Любовь для великого автора – предмет высокой поэзии, а не дневник любовных побед и любовных бед, поражений. В стихотворении запечатляется и психологическая правда любовных переживаний, и – что, возможно, главнее – философские представления поэта о женщине, ставшей источником гармонии и красоты.

Так, на наш взгляд, и в «Мадонне» Пушкин, любя Н. Н. Гончарову, воспел Женщину. Интересное решение использует поэт. Оно характерно для большинства стихотворений – в них нет портрета возлюбленной. Черты портрета видятся как бы сквозь дымку воспоминаний и снов. Поэт не смеет обнажать сокровенное. «Стихотворения, коих цель горячить воображение любовными описаниями, унижают поэзию», – писал Пушкин. Но все мы знаем удивительное умение гения «одной чертою, вскользь, мимоходом брошенною» (В. Г. Белинский), с помощью сравнений, аналогий* создать у читателя представление об абсолютной красоте и о высшем блаженстве, которое она (красота) порождает. Но все «сделано» тонко, деликатно.

В героине произведения «Мадонна» поэт также подчеркивает, но причем учтиво, абсолютное совершенство. Словесно это отражено в последней строке сонета. Прекрасное и нежное слово ***прелесть*** (прелесть, как известно, «очарование, возбуждаемое кем-нибудь или чем-нибудь красивым, милым») кажется автору недостаточно емким. Подчеркнутое рефреном* слово ***образец*** («лучший среди подобных») утверждает женскую гармонию и внутреннюю глубину:

…моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Но и этой градации – **прелесть, образец** – оказывается недостаточно для поэта. Вводится еще одно многозначное слово – ***чистый***, а в превосходной степени – ***чистейший*** (в смысле – совершенный). Повторенное и данное в интересно построенном тропе*, а также в обрамлении разных существительных, оно создает образ наивысшего идеала красоты.

«Мадонна» написана в стихотворной форме сонета*, состоящего из 14 стихов, делящихся на две части: восемь строк (два четверостишия) и шесть строк (два трехстишия). К такому количественному признаку сонета добавляется рифмовка*. У Пушкина изящество и сложность форме произведения придают разные рифмовки – опоясывающая*, перекрестная* рифмовка, обязательная для трехстишия.

В целом отточенность стиха, глубина чувств позволили поэту воплотить в поэтическом замысле идею любви как идею чистоты и духовного возрождения.

М.Ю. Лермонтов

Когда волнуется желтеющая нива…

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, –

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога…

Михаил Юрьевич Лермонтов, будучи признанным вторым по значению и таланту поэтом России – наряду с Пушкиным, начал писать стихи в 1828 году (ему было тогда 14 лет), но вошел в литературу в сравнении с Пушкиным поздно: начал отдавать произведения в печать, когда ему шел двадцать третий год. В 1840 году издается первый и единственный прижизненный сборник «Стихотворений М. Лермонтова» (26 стихотворений и 2 поэмы). Следует отметить, что все стихи поэта пронизаны тяготением к совершенству. В них, по мнению В. Г. Белинского, отразилась квинтэссенция жизни: весь мир, все цветы, краски, звуки, все формы природы и «жизни». Поэт заявил о себе как о живописце,

который при этом «страдает болезненнее других, живее наслаждается, пламеннее любит, сильнее ненавидит, словом – глубже чувствует» (Белинский). Критик, проявив искренний интерес к лермонтовскому таланту, подчеркнул, что для творчества данного автора характерен объективный субъективизм, так как у поэта много стихов, в которых он является не безусловным художником, но внутренним человеком. Только великий поэт, подчеркивал В. Г. Белинский, говоря о себе самом, о своем я, говорит об общем, – о человечестве, «ибо в его грусти всякий узнает свою грусть, в его душе – свою душу и видит в нем не только поэта, но и человека» (Белинский).

Опираясь на классификацию, предложенную критиком в статье «Стихотворения М. Лермонтова», можно с полным основанием отнести стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива…» к чисто художественным творениям, в которых «еще видна личность поэта, но в то же время виден уже и выход из его внутреннего мира души» (Белинский).

В целом ряде других произведений зрелый Лермонтов рассуждал о связях человека и мира, утверждал, **что** гармонично и на земле и на небесах. Предпочитая, как правило, изображать пейзаж горный, кавказский, в анализируемом стихотворении автор обращается к природе средней полосы России. Чувством любви озарено, охвачено описание. Нет холодного, колючего восприятия окружающего мира. Хотя в этом и нет ничего необычного. Известно, что Лермонтов обретал гармонию вне чуждого ему общества, «угрюмой толпы», которая стала гонителем лермонтовского героя, пытавшегося, как сказано А.С. Пушкиным, «глаголом жечь сердца людей» («Провозглашать я стал любви и правды чистые ученья…»). В итоге поэт вошел в литературу со словами «невольник чести». И ушел из жизни с последней строкой «Как презирают все его!» (его – пророка).

Мягкость стиха, плавность речи, богатство красок, свежесть, жизнеутверждающее настроение – вот основные характеристики элегии «Когда волнуется желтеющая нива…». Рисуя пейзаж, Лермонтов, бесспорно, следует традициям своего

великого современника – Пушкина. Его (Лермонтова) жанровые картинки сродни лирическим отступлениям в «Евгении Онегине»:

Когда волнуется желтеющая нива
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка…

В стихотворении звучит антеевский мотив (Антей, согласно греческой мифологии, - сын Посейдона и Геи (Земли), непобедимый до тех пор, пока соприкасается с землею-матерью, дающей ему новые силы. Чтобы победить Антея, Гераклу пришлось приподнять его, оторвать от земли). Этим мотивом Лермонтов утверждает, что родина дает ему силы жить:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле…

Природа, таким образом, предстает у поэта как идеал, в ней царит свобода – человек, напротив, несвободен. В природе есть гармония, она противопоставлена дисгармонии в человеческой душе, которая определяет взаимоотношения людей в обществе. Природа борется за человека, ей «нравится радовать его», помогать преодолевать чувство одиночества и, наконец, обретать душевный покой:

<…> И в небесах я вижу Бога…

Как известно, Лермонтов хорошо рисовал. Возможно, поэтому его пейзажи так живописны. Если в словесной «палитре» Пушкина предпочтение отдается отдельным краскам (*золотой, багровый, серебряный*), то лермонтовская гамма скорее акварельна, т.е. выделяются оттенки цвета, переходящие тона, сочетания тонов (*«желтеющая», «малиновая»*). Ощущение жизни подчеркивается олицетворением: *нива «волнуется», слива «прячется»*. Используются и так называемые «дематериализованные» цветовые эпитеты: *«смутный сон», «мирный край», «таинственная сила»* и другие.

Интересно, что стихотворение представляет собой «парад» времен года, загадочно сокрытых под начальной фразой «Когда волнуется желтеющая нива…»: «желтеющая нива», «малиновая

слива» – символы, указывающие на конец лета, начало осени, «ландыш серебристый» – это весна, а «зеленый листок» – это начало лета. Такой временной «разнобой» позволяет воплотить мотив пространства во времени. Мотив вневременной молодости природы, неувядающей и сочной красоты, очевидно, должен был способствовать пробуждению оптимизма, надежды как в душе читателя, так и самого автора. Стихотворение разделено на строфы, чередующиеся неупорядоченно: то шестистопный, то пятистопный ямб. Последняя строфа написана четырехстопным ямбом, весомым и кратким. Еще одной загадкой стихотворения и авторской находкой является то, что его строфы составляют шестнадцатистрочное разветвленное сложноподчиненное предложение. При этом у каждого четверостишия есть своя образность и свой собственный стиль.

М.Ю. Лермонтов

И скучно и грустно

(1840)

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды…
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят – все лучшие годы!

Любить… но кого же?.. на время – не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? – там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно…

Что страсти? – ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем
вокруг,
Такая пустая и глупая шутка…

Лирика М.Ю. Лермонтова 1836 – 1841 годов, к которой относится стихотворение «И скучно и грустно», не сводима к нескольким темам. В ней меньше любовных стихов, меньше авторского «я», либо она соотносится с образом поколения. Появляется философская ирония, имитируется обращенность к широкой аудитории, предполагается некий отклик – враждебный или сочувственный.

В. Г. Белинский, великий русский критик, делит лермонтовскую поэзию на субъективную и чисто художественную. В свою очередь, субъективные стихотворения, в которых «выразился исторический момент русского общества», группируются по следующему принципу: субъективные исторические стихотворения («Бородино», «Песня про царя Ивана

Васильевича») и субъективные стихотворения, которые «мрачат душу, леденят сердце». В них «нет надежды, они поражают безотрадностью, безверием в чувства человеческие при жажде жизни и избытке чувства». К такого рода произведениям В.Г.Белинский отнес «И скучно и грустно». Это своего рода исповедь героя времени, стихи, по словам критика, «вышедшие из глубины оскорбленного духа». Удивительно соприкасается откровение лирического героя произведения с записями в дневнике Печорина, из романа «Герой нашего времени»:

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды…

Совершенно пессимистично звучит финал короткого произведения:

И жизнь, как посмотришь с холодным вниманием
вокруг, –
Такая пустая и глупая шутка…

Лирический герой, как, впрочем, и сам автор, низводит жизнь до пустой и глупой шутки. Однако в этой шутке нет ничего смешного. Нормой жизни лермонтовского поколения стали грусть и скука. Именно заявление об этих чувствах открывает стихотворение. Невольно задаешься вопросом: почему «некому руку подать» – то ли нет достойного человека, то ли нет того, кто способен помочь, поддержать в трудную минуту? Такое состояние можно пережить, если одиночество ощутимо в минуту «душевной невзгоды». Но Лермонтов, выбирая путь обобщения, пишет роковое:

А годы проходят – все лучшие годы!

Значит, дело тут не в одном мгновенье, когда, наверно, не раз и не два в жизни человеку приходится ощущать разъединение с людьми, с миром. Речь идет о постоянном, мучительном для лирического героя одиночестве. Белинский заострил внимание на особой тональности стиха, подчеркнув, что «это не минута духовной дисгармонии, сердечного отчаяния: это – похоронная песня всей жизни». Далее критик задается вопросом: «Может быть, люди нашего времени слишком много требуют от жизни, слишком необузданно предаются фантазии, так что после их

роскошных мечтаний действительность кажется им слишком бесцветною, бледною, холодною и пустою?» и отвечает неопределенно: «Может быть – чего не может быть!..»

Пронизывающе звучат строки Лермонтова о любви:

Любить… но кого же?.. на время – не стоит труда,
А вечно любить невозможно.

Жизнь без любви, надежды, веры – прозябание. Тяжело лермонтовское признание в том, что его современников не могут поддержать ни любовь – «сладкий недуг» страстей, нелепость, «исчезающая при слове рассудка»; ни воспоминания о своем прошлом, где для них «все так ничтожно».

О дисгармонии внешнего, окружающего человека и внутреннего мира поэт писал неоднократно. Он сокрушался по поводу того, что его поколение утратило способность к радости, не верит в лучшие чувства, бесполезно бережет «в груди остаток чувства», но оно (чувство) не вызывает желания действовать, утешить близкого, понять отвергнутого. Растрачены «юные силы», жизнь течет без борьбы и плодотворного труда. Таков приговор поэта. Не случайно «И скучно и грустно» «из всех пьес Лермонтова обратило на себя особенную неприязнь старого поколения. <…> Им все кажется, что поэзия должна выдумывать, а не греметь правдою» (Белинский).

Трагический пафос произведения усиливают обобщенные формы: «*заглянешь*», «*посмотришь*». Они подчеркивают, что сказанное применимо к кому угодно. Печальные мысли поэта заключены в особую метрическую, специально выстроенную систему стихосложения. В стихотворении «И скучно и грустно» используется уникальное, но верно найденное сочетание пятистопного, трехстопного и четырехстопного ямба.

Самоанализ, свойственный лирическому герою анализируемого произведения, рефлексия* и попытка понять, найти свое место в жизни определили систему художественных средств, средств выразительности. М. Ю. Лермонтов использует метафоры, поддерживающие элегический* и трагический смысл стиха: «*холодное вниманье*», «*пустая и глупая шутка*» (о жизни), «*душевная невзгода*». Используются приемы противопоставления

синонимических* пар и, наоборот, сопоставления антонимов* («И радость, и муки, и все там ничтожно…»). Есть анафоры, повторы, особый звуковой строй стиха. Вместе с тем все художественные средства, содержание произведения направлены на преодоление возникшего противостояния в душе лирического героя, на восстановление внутренней гармонии личности.

Листок

(1841)

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.
Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих
изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

– На что мне тебя? – отвечает младая чинара,
Ты пылен и желт, – и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал – да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море.

Опираясь на классификацию, предложенную критиком В.Г. Белинским в статье «Стихотворения М. Лермонтова», можно с полным основанием отнести «Листок» к субъективным стихотворениям – тихим думам. Они в то же время представляют «чувство сильное, целомудренное. Это тихая, кроткая грусть души. В стихах много таинственного, недосказанного, но много и понятного сердцу. Здесь поэзия становится музыкой!» (Белинский).

Стихотворение написано в 1841 году. В нем отчетливо звучит мотив дороги, скитаний:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря.

Произведение, как и многие другие, построено на сквозном символическом* образе. Если в «Воздушном корабле» (1840) это камень, т. е. безответность; в «Трех пальмах» (1839) это песок, т. е. образ, связанный с забвением; в стихе «Для чего я не родился» (1832) это волны, т. е. свобода, то в «Листке» дубовый листок – символ вынужденного скитания.

Нельзя не отметить и остроту мотива тоски по родине («ветка родимая», листок, «жестокою бурей гонимый»). Автор утверждает, что именно родина дает силы жить, надеяться. Появляется так называемый антеевский мотив: оторванность от родины означает страдание и смерть.

Известно, что тема одиночества, скитания – одна из основных в творчестве Лермонтова. С одной стороны, это объясняется методом, любимым и предпочтительным для поэта-романтика. С другой – характер самого автора, события его личной жизни сделали эту тему такой близкой и постоянной. Вместе с тем лермонтовская трактовка темы имеет и философскую основу, связанную с концепциями немецких философов Фихте и Шеллинга. В соответствии с их идеями, личность у поэта-

романтика предстает как мятежная, ищущая жизнь в борьбе, буре, полная противоречий, бесконечно одинокая:

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.
Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя».

Философская канва мотива заключена в том, что он не ограничивается акцентированием личного одиночества лирического героя, а перерастает в мотив одиночества в обществе.

Еще одна лермонтовская поэтическая находка – тема «соседства» как попытка избавиться от изолированности, перестать считаться лишним:

«Прими же пришельца меж листьев своих
изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».
– На что мне тебя? – отвечает младая чинара,
Ты пылен и желт, – и сынам моим свежим не пара…

Обычно говорят, что поэзия Лермонтова рождена периодом безвременья, наступившим после подавления декабристского восстания. Это верно, но с уточнением. Именно Лермонтову было дано постигнуть катаклизмы как своей, так и любой другой эпохи. Главная же причина катаклизма сокрыта в подавлении личности. В «Листке» развиваются печальные сентенции* ранней и зрелой лирики поэта типа: «Я к одиночеству привык» или «Женщина любви не знает». Чинара в анализируемом произведении связывается с темой очарования и очень скорого разочарования, темой надежд и их крушения.

Нельзя не почувствовать, что Лермонтов владел сильно действующим словом. Он обращал свой взор прежде всего на отрицательные явления, как бы накапливая доказательства порочности общества, мира, о котором он пишет. В свою очередь авторское неприятие действительности рождает цепь острых определений, метафор, обобщений *(«жестокая буря»,*

«небылицы», «странник»), противопоставленных художественным образам и средствам.

Любимая лермонтовская форма аллегории*, иносказания* (в данном случае листок олицетворяется со скитающимся человеком) позволяет передавать не конкретные впечатления, а состояние души, события жизни.

М.Ю. Лермонтов

Нет, не тебя так пылко я люблю…

(1841)

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

В зрелой лермонтовской лирике немного стихов о любви. Известно признание поэта: «Пусть я кого-либо люблю – любовь не красит жизнь мою». Однако трудно найти произведение, в котором бы не была заложена мысль о поисках родной души.

Из юношеских увлечений глубокий след в сознании и чувствах Лермонтова оставила Варвара Лопухина, в замужестве Бахметова. Она стала прототипом Веры в «Герое нашего времени». Ей посвящен ряд стихотворений. Эту женщину позднее напомнит поэту его родственница Екатерина Быховец, с которой он встречался на Кавказе в свои последние дни, разговаривая охотнее всего о Вареньке. Не от того ли посвященное Быховец стихотворение начинается словами «Нет, не тебя так пылко я люблю…» (1841)? Читая стихотворение понимаешь, что прошлое не умерло в душе лирического героя, хотя « подруга юных дней»

для него навсегда, по словам автора, потеряна. Вместе с тем лирический герой признается новой избраннице:

Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Не вполне ясно, почему свою утраченную в силу обстоятельств возлюбленную поэт представляет скорее как умершую либо навсегда потерянную для него:

Я говорю с подругой юных дней;
В твоих чертах ищу черты другие;
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

Возможно, это поэтический намек на то, что разлука для той, единственной женщины оказалась сродни смерти (известно, что В. А. Бахметьева – Варенька Лопухина – умрет через десять лет после Лермонтова в возрасте тридцати шести лет). Даже глаза ее угасли от тоски, утратили блеск. О сильном, нерастраченном чувстве лирического героя свидетельствует признание, что, беседуя и слушая других женщин, он (вот уже многие годы) «таинственно… занят разговором»,

Но не с тобой я сердцем говорю.

Следовательно, внутренний диалог, диалог «сердцем» все годы после разлуки с любимой лирический герой, а вместе с ним автор неустанно вел с дорогой ему женщиной, никому не обнаруживая свои чувства, не обнажая душу. Какая сильная личность, какая любящая душа, какое постоянство!

Свои сокровенные мысли Лермонтов удивительно гармонично передавал в стихе, вовлекая в воплощение замысла все: ритм, рифму, размер. Стихотворение пронизано словесными повторами. Для придания завершенности каждой строфе избирается пятистопный ямб с опоясывающей рифмовкой*. Самостоятельность, смысловая нагруженность, взвешенность каждой из трех частей произведения подчеркивается нумерацией. Замедленный темп речи соответствует интонации.

Известно, что лирика М. Ю. Лермонтова оказалась благодатным материалом для композиторов. В сборнике «Лермонтов в музыке» представлены такие данные: к 246

произведениям поэта на протяжении 150 лет обращались свыше тысячи композиторов. Существует более 20 вокальных композиций на слова стихотворения «Выхожу один я на дорогу…» и более 80 – на слова стихотворения «Нет, не тебя так пылко я люблю…» Значит, лиризм произведения, быть может, заключенный в его основе, близок, понятен многим. Неразделенность чувств, сила и противодействие обстоятельств, случайность и необходимость разъединяют родственные души. Но Лермонтов помогает найти путь к разрешению одиночества.

В дороге
(1845)

«Скучно! скучно!.. Ямщик удалой,
Разгони чем-нибудь мою скуку!
Песню, что ли, приятель, запой
Про рекрутский набор и разлуку;
Небылицей какой посмеши
Или, что ты видал, расскажи –
Буду, братец, за все благодарен».

«Самому мне невесело, барин:
Сокрушила злодейка жена!..
Слышь ты, смолоду, сударь, она
В барском доме была учена
Вместе с барышней разным наукам,
Понимаешь-ста, шить и вязать,
На варгане играть и читать –
всем дворянским манерам и штукам.
Одевалась не то, что у нас
На селе сарафанницы наши,
А, примерно представить, в атлас;
Ела вдоволь и меду и каши.
Вид вальяжный имела такой,
Хоть бы барыне, слышь ты, природной,
И не то что наш брат, крепостной,
Тоись, сватался к ней благородный
(Слышь, учитель-ста врезамшись был,
Баит кучер, Иваныч Торопка),
Да, знать, счастья ей бог не судил:
Не нужна-ста в дворянстве холопка!

Вышла замуж господская дочь,
Да и в Питер…А справивши свадьбу,
Сам-ат, слышь ты, вернулся в усадьбу,